

УДК 8

РОЛЬ МАЛОЙ ПРОЗЫ В ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

Ковалёв Н.С.

*Преподаватель кафедры теории и практики русского языка,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Черкезова А.

*Студент,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Абдалова Д.

*Студент,
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета
Азади,
Ашгабад, Туркменистан*

Аннотация

В статье рассматривается роль малой прозы в литературном процессе XXI века, прежде всего в русской словесности, но с учётом универсальных тенденций мировой прозы малых форм. Опираясь на новейшие исследования о микрожанрах современной прозы, циклизации и серийности, а также о медиадискурсивной трансформации литературного поля, автор уточняет понятийный аппарат и выявляет основные функции малой прозы в условиях цифровой культуры. Анализируются структурные и стилистические особенности малых форм, их связность с поэтической традицией, специфика репрезентации индивидуального и коллективного опыта в коротком рассказе, новелле, миниатюре, микрорассказе, флэш-фикшн. Особое внимание уделено тенденциям циклизации и серийности, формирующим новые типы «большого целого» из совокупности фрагментов. Показано, что малая проза становится привилегированным полем для эксперимента с повествовательными стратегиями, медийными режимами и гибридными жанровыми образованиями, а также важным инструментом конструирования культурной памяти и рефлексии над травматическим опытом современности. Делается вывод о возрастающей эстетической, коммуникативной и социокультурной значимости малой прозы в литературе XXI века.

Ключевые слова: малая проза, микрожанры, короткий рассказ, новелла, стихотворение в прозе, циклизация, постмодернизм, медиадискурс, русская литература XXI века, нарративные стратегии.

THE ROLE OF SHORT PROSE IN 21ST-CENTURY LITERATURE

Kovalyov N.S.

*Lecturer of Department of theory and practice of the Russian language
Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Cherkezova A.

*Student,
Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Abdalova D.

*Student,
Dovletmamet Azadi Turkmen National Institute of World Languages,
Ashgabat, Turkmenistan*

Abstract

This article examines the role of short fiction in the literary process of the 21st century, primarily in Russian literature, but also taking into account universal trends in short fiction worldwide. Drawing on the latest research on the microgenres of contemporary prose, cyclization and seriality, as well as the media-discursive transformation of the literary field, the author refines the conceptual framework and identifies the main functions of short fiction in the context of digital culture. The author analyzes the structural and stylistic features of short fiction, their connection to poetic tradition, and the specific representation of individual and collective experience in short stories, novellas, miniatures, micro-stories, and flash fiction. Particular attention is paid to the trends of cyclization and serialization, which form new types of "grand wholes" from a collection of fragments. It is shown that short fiction is becoming a privileged field for experimentation with narrative strategies, media regimes, and hybrid genre formations, as well as an important tool for constructing cultural memory and reflecting on the traumatic experiences of modernity. A conclusion is drawn about the growing aesthetic, communicative, and sociocultural significance of short fiction in 21st-century literature.

Keywords: short fiction, microgenres, short story, novella, prose poem, cyclization, postmodernism, media discourse, 21st-century Russian literature, narrative strategies.

Введение

В начале XXI века малая проза — традиционно воспринимавшаяся как «вторичный» по отношению к роману вид словесности — оказывает всё более заметное влияние на конфигурацию литературного процесса. Ещё исследования, обращённые к истории малых жанров конца XIX – XX века, подчёркивали, что малая проза развивается в тесной связи с общим литературным движением, постепенно вырабатывая устойчивые жанровые признаки и формируя собственный «микрокод» повествовательных форм. В современности этот «микрокод» переосмысливается под давлением медийных, технологических и культурных трансформаций, что делает необходимым обновление методологического инструментария для анализа малой прозы. [4]

Цель настоящей работы — проанализировать роль малой прозы в литературе XXI века, выявив её жанрово-типологические особенности, функциональную нагрузку и место в системе современных культурных практик. Задачи исследования включают: уточнение понятия «малая проза» в контексте новейших жанровых модификаций; рассмотрение феномена микрожанров и его связи с издательскими и медийными стратегиями; анализ тенденций циклизации и серийности; выявление коммуникативных и медиадискурсивных функций малых форм. [2; 3]

Актуальность темы обусловлена тем, что именно малая проза оказывается сегодня наиболее чувствительной к изменениям читательских практик, к цифровой фрагментарности опыта и к усиливающейся конкуренции художественного текста с другими видами медиаконтента. При этом в русистике до сих пор преобладает внимание к крупным формам прозы XX века, тогда как новейшая малая проза, особенно в своих гибридных и микрожанровых вариациях, лишь постепенно входит в поле системного научного описания. [3]

1. Теоретические подходы к определению малой прозы

Проблема определения малой прозы в современной науке неоднократно отмечалась как методологически сложная, поскольку речь идёт не только о количественных параметрах (объём текста), но и о качественных структурных, сюжетных и стилистических особенностях. Ещё в исследованиях, посвящённых эволюции рассказа, новеллы и стихотворения в прозе, малая форма понималась как особый тип художественного целого, усиливающий интенсивность эмоционального воздействия за счёт концентрации событий и смыслов. В отечественной традиции малая проза, как правило, связывается с жанрами рассказа, новеллы, очерка, миниатюры, а также со стихотворением в прозе и разного рода «короткими формами» переходного типа между поэзией и прозой. [1]

Современные исследования вводят в оборот понятия «микрожанры», «микротекст», «микрорассказ», акцентируя внимание на минимизации объёма, предельной сжатости и высокой семиотической плотности текста. В рамках такой оптики малая проза предстаёт как широкий зонтичный термин, охватывающий спектр форм от «классического» рассказа до ультракоротких текстов, рассчитанных на чтение в мобильных интерфейсах. Важной характеристикой оказывается не только длина текста, но и его особый модус завершенности: малая прозаическая форма — это автономная художественная структура, которая, будучи малой по объёму, сохраняет целостность сюжета, образной системы и авторской концепции. [3; 4]

Таким образом, в XXI веке понятие «малая проза» следует понимать динамически, учитывая как исторически сложившуюся систему жанров, так и новейшие микрожанровые образования, вызванные изменением медийного и культурного контекста. [1]

2. Исторический контекст и предпосылки развития малых форм

Историческое развитие малой прозы демонстрирует устойчивую тенденцию к периодическим всплескам интереса к коротким формам в эпохи социокультурных кризисов и ускорения исторического времени. Исследования, посвящённые эволюции рассказа и новеллы от XIX до конца XX века, показывают, что малая форма постепенно вырабатывает собственные жанровые стандарты, питаясь как реалистической традицией, так и опытами модернизма и авангарда. В русской литературе ключевой моделью для дальнейшей циклизации малой прозы стали, например, «Записки охотника» Тургенева, где отдельные рассказы объединены в устойчивое композиционно-смысловое целое. [4]

В XX веке, особенно во второй его половине, наблюдается активное развитие короткого рассказа, миниатюры, прозы «малых эпифаний», что параллельно осмысливается как в отечественной, так и в зарубежной теории короткой прозы. Переход к постмодернистской парадигме с её фрагментарностью, цитатностью и недоверием к «большим нарративам» создаёт благоприятную среду для дальнейшей экспансии малых форм, которые оказываются более пластичными и пригодными для эксперимента с различными типами повествования. [4]

В конце XX – начале XXI века на развитие малой прозы существенное влияние оказывают издательские стратегии и изменение формата книг: исследователи отмечают, что издательская индустрия активно стимулирует минимизацию объёма, переход к «карманным» и компактным изданиям, ориентированным на быстрого, мобильного читателя. Возникают сборники короткой прозы, рассчитанные на чтение в дороге, в перерывах между другими

занятиями, что закрепляет за малой формой статус наиболее адаптивной к ритмам современной жизни. [1]

Таким образом, современная малая проза наследует богатую историческую традицию, но одновременно оказывается включена в новые экономические, медийные и культурные механизмы, что значительно меняет её функции и статус в литературной системе. [4]

3. Микрожанры и минимизация прозы в XXI веке

Особое место в современной малой прозе занимает феномен микрожанров, подробно описанный в ряде новейших исследований. Под микрожанрами понимаются устойчивые формы предельно коротких прозаических текстов — микрорассказ, миниатюра, флэш-фикшн, текст-афоризм, прозаический скетч, литературный твит, которые часто существуют на грани между художественной прозой, поэзией и медиатекстом. [4]

Одним из важнейших факторов, способствующих развитию микрожанров, становится трансформация издательских и читательских практик: специалисты отмечают, что ещё в XX веке книгоиздатели раньше исследователей осознали тенденцию к минимизации, начав выпускать книги в «карманном формате», ориентированном на потребность в компактном, быстро читаемом тексте. В XXI веке подобная логика усиливается за счёт цифровых платформ, где пользовательский интерфейс и специфика потребления контента поощряют предельную компрессию смысла. [3]

Современные исследования микрожанров подчёркивают их двойственную природу: с одной стороны, это продолжение традиции малой формы с её стремлением к концентрированному выражению смыслов; с другой — специфический продукт медийной среды, где краткость становится не только эстетическим, но и технологическим требованием. В таких условиях малая проза всё чаще приобретает черты гибридности: микротекст может быть одновременно литературным произведением, элементом сетевого дискурса и визуально-графическим объектом (например, в формате скриншота, поста, сториз). [4]

Важным следствием развития микрожанров становится изменение читательского восприятия: короткий текст предполагает высокую степень соучастия читателя, который должен «достраивать» недосказанное, восполнять лакуны контекста и сюжета. Это делает малую прозу XXI века особой зоной читательской активности и интерпретационной свободы, что существенно влияет на её роль в современном литературном процессе. [4]

4. Циклизация и серийность малой прозы

Одной из ключевых тенденций развития малой прозы конца XX – начала XXI века становится циклизация и серийность, которые формируют новые типы

Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

художественных целых, сопоставимых по композиционной сложности с романом. Исследователи отмечают, что феномен циклизации малой прозы, возникший ещё в 1920-е годы, в начале 2000-х вновь приобретает актуальность, причём не только в печатной литературе, но и в сетевых формах публикации. [2]

Цикл малых прозаических текстов — это особая композиционная структура, в которой каждый рассказ, новелла или миниатюра сохраняет автономность, но одновременно образует с другими текстами сложное смысловое и образное единство. Для подобных циклов характерны повторяющиеся мотивы, переключки персонажей, развитие сквозной темы или топоса, вариативная подача одного события с разных точек зрения. В этом смысле циклизация позволяет преодолеть потенциальную фрагментарность малой формы, превращая совокупность текстов в «мозаичный роман» или своеобразный «роман-фрагмент», где целостность возникает на уровне серии, а не отдельного произведения. [4]

Серийность малой прозы тесно связана с логикой медиaproстранства, в котором читатель привыкает к последовательной подаче контента: регулярные публикации рассказов в журнале, блоге, на литературной платформе образуют протяжённый во времени нарратив, поддерживающий внимание аудитории. Серийный принцип способствует формированию «повествовательного бренда» автора: читатель возвращается к знакомому голосу, к узнаваемой стилистике и тематике, одновременно воспринимая каждый новый текст как автономный. [5]

Циклизация и серийность усиливают структурную роль малой прозы в литературе XXI века: короткий текст перестаёт быть лишь «единицей» повествования и превращается в модуль, из которого выстраиваются сложные художественные конструкторы, способные конкурировать с традиционным романом по глубине и масштабности репрезентируемого опыта. [2]

5. Малая проза и медиадискурс: литература в информационном пространстве

Литературный процесс XXI века находится в тесной зависимости от медиадискурсивных трансформаций, что особенно заметно в отношении функций художественной прозы и литературной критики. Исследования, посвящённые медиадискурсу русской литературы и критики, подчеркивают, что цифровизация культурного пространства меняет коммуникативные режимы функционирования текста: художественное произведение включается в потоки информационного обмена, конкурируя с журналистикой, блогами, социальными сетями и аудиовизуальными форматами. [3]

В этих условиях малая проза оказывается наиболее адаптивной формой существования литературы в медийной среде. Её краткость и фрагментарность органично соотносятся с ритмами потребления информации, а сам текст легко

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

тиражируется и циркулирует в различных цифровых оболочках — от сайтов литературных журналов до социальных сетей и мессенджеров. Малые формы часто становятся ядром медиапроектов (литературные конкурсы короткого рассказа, онлайн-фестивали микрорассказов), а также объектом мгновенного обсуждения и ремикса в комментариях и пользовательских практиках. [3]

Важным следствием медиадискурсивного поворота становится изменение института литературной критики: аналитический текст всё чаще сосуществует в одном пространстве с художественным, причём оба типа дискурса подчиняются общим медийным законам — скорости реакции, клиповой подаче, ориентации на «вирусность» и цитируемость. В таком контексте малая проза не только адаптируется к медийным форматам, но и сама становится инструментом критической рефлексии, непосредственно включённой в публичное обсуждение социальных и культурных проблем. [3]

Таким образом, медиадискурс усиливает коммуникативную и социокультурную роль малой прозы, превращая её в важный элемент информационного пространства и в одну из ключевых форм литературного участия в общественных дебатах. [3]

6. Нарративные стратегии и художественные функции малой прозы

Современная малая проза демонстрирует широкий спектр нарративных стратегий, которые позволяют компактному тексту решать сложные художественные задачи. Исследователи отмечают, что малая форма, благодаря своей ограниченности по объёму, требует высокой степени композиционной и стилистической экономии: автор вынужден отбирать только самые значимые элементы сюжета, максимально концентрировать конфликты и конфигурации персонажей. [1]

Одной из характерных стратегий малой прозы XXI века является фрагментарное повествование, которое оставляет существенные сюжетные лакуны, приглашая читателя к активному соучастию в реконструкции истории. Часто используются приёмы «открытого финала», внезапного обрыва, парадоксальной развязки, что сближает современный короткий рассказ с традициями новеллы и анекдота, но одновременно вписывает его в контекст постмодернистской поэтики неопределённости. [1]

Малая проза активно эксплуатирует внутренний монолог, поток сознания, смену фокализации, монтаж различных дискурсивных пластов (разговорной речи, медийных клише, бюрократического или рекламного языка), что позволяет на минимальном текстовом пространстве создать многослойный образ реальности. В ряде случаев малая форма становится лабораторией экспериментального письма, где отрабатываются новые синтаксические и композиционные модели, позже масштабируемые в «большую прозу». [3]

По своим художественным функциям малая проза в XXI веке выступает как:

- средство оперативной фиксации актуальной социальной и политической проблематики;
- форма интимной автобиографической и травматической рефлексии;
- способ моделирования альтернативных сценариев будущего (в научной фантастике, антиутопии, *speculative fiction*);
- пространство языкового и нарративного эксперимента.

Благодаря этому малая проза занимает пограничное положение между документальным и вымышленным, личным и коллективным, индивидуальной и массовой культурой, что усиливает её роль в литературе XXI века. [2]

7. Малая проза, память и травматический опыт

Одной из существенных функций малой прозы в современном литературном процессе становится работа с памятью и травматическим опытом. Исследования, посвящённые «лейтенантской прозе» и более широкому контексту военной и поствоенной прозы, показывают, что малая форма особенно эффективна в репрезентации предельных ситуаций, опытов насилия и катастрофы, когда крупный эпический нарратив оказывается либо невозможен, либо этически проблематичен. [3]

В XXI веке эта тенденция усиливается в связи с расширением поля травматического: к военным и политическим трагедиям добавляются травмы повседневности — миграционный опыт, социальное неравенство, насилие в частной сфере, экологические катастрофы. Малая проза позволяет фиксировать эти опыты в форме кратких, но интенсивных по эмоциональному заряду повествований, где отдельный эпизод, деталь, случайная встреча приобретают статус симптома более широких исторических процессов. [3]

Короткий рассказ или миниатюра, выстроенные вокруг одной травматической сцены, часто опираются на приёмы недосказанности, фрагментарности, нарушения хронологии, что отражает саму структуру травматического воспоминания и его устойчивое возвращение в сознание героя. Такой тип письма оказывается близок к документальным практикам (свидетельским рассказам, дневникам, интервью), но при этом сохраняет художественную условность и возможность метафоризации травмы. [2]

Малая проза, работающая с памятью, выполняет также важную социальную функцию: она формирует альтернативные версии коллективной памяти, включающие «молчаливые» или маргинализованные голоса, которые редко находят место в крупных официальных нарративах. В этом смысле малая форма становится инструментом демократизации культурной памяти, позволяя множественным локальным историям встраиваться в общую картину эпохи. [3]

8. Русская малая проза XXI века: тенденции и перспективы

Русская малая проза XXI века развивается в русле общих мировых тенденций, но сохраняет и специфические черты, обусловленные особенностями национальной литературной традиции и культурной ситуации постсоветского пространства. С одной стороны, она опирается на богатое наследие русской классической и советской малой формы, включая опыт психологического реализма, «деревенской прозы», военной прозы, городской новеллистики. С другой — активно взаимодействует с глобальными жанровыми моделями (флэш-фикшн, speculative fiction, документальная проза, нон-фикшн) и с сетевыми литературными практиками. [3]

Современные библиографические обзоры, посвящённые русской прозе XXI века, фиксируют заметное присутствие малых форм в книжных сериях, журналах, сборниках, а также в электронных библиотеках и на литературных платформах. Важной площадкой для репрезентации малой прозы остаются «толстые» журналы, адаптирующиеся к цифровой среде и одновременно сохраняющие статус института канонизации художественного текста. [4]

Тематика русской малой прозы XXI века чрезвычайно разнообразна: от прозы памяти и осмысления советского и постсоветского опыта до городской повседневности, семейных историй, гендерной проблематики, миграционных и региональных нарративов, фантастики и антиутопии. При этом многие авторы используют малую форму как пространство для эксперимента с языком и перспективой рассказа, что позволяет говорить о высокой степени жанрового и стилистического многообразия. [3]

Перспективы развития русской малой прозы связаны, во-первых, с дальнейшей интеграцией в глобальный литературный процесс (переводы, международные фестивали, цифровые платформы), во-вторых — с углублением исследовательского интереса к микрожанрам, сетевым формам и медиагибридным текстам. В этом контексте особое значение приобретает систематическое изучение серийных и циклических структур, а также разработка методологии анализа ультракоротких прозаических форм. [3]

Заключение

Рассмотрение роли малой прозы в литературе XXI века позволяет сделать вывод о её возрастающем значении как в эстетическом, так и в социокультурном и медиадискурсивном измерениях. Опираясь на длительную историческую традицию и выработанные ещё в XIX–XX веках жанровые модели, малая проза в современности претерпевает существенные трансформации, связанные с минимизацией объёма, развитием микрожанров, усилением тенденций циклизации и серийности.

В условиях цифровой культуры малая форма оказывается наиболее адаптивной к ритмам информационного обмена и к новым форматам чтения, одновременно сохраняя способность к глубокой художественной рефлексии и эксперименту с нарративными стратегиями. Она становится важным инструментом фиксации травматического и повседневного опыта, формирования альтернативных версий культурной памяти, участия литературы в общественных дискуссиях.

Для русской литературы XXI века малая проза выступает одним из ключевых полей обновления жанровой системы и повествовательных практик, где пересекаются традиция и новаторство, национальное и глобальное, печатное и цифровое. Перспективы дальнейшего осмысления её роли связаны с углублённым исследованием микрожанровых форм, медиагибридности, а также с вниманием к институциональным и читательским аспектам функционирования малой прозы в современном культурном пространстве.

Библиографический список

1. Benčić-Primc Ž. «Автофикция/автофикшн» в русской литературе XXI века // *Slovene Russian Literary Review (SRL)*. 2025. Vol. 73, No. 1. P. 1–17. DOI: 10.57589/srl.v73i1.4201.
2. Головки В. М. Жанрово-стилевое воплощение духовно-нравственной проблематики в «малой прозе» В. В. Сытник // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение»*. 2025. № 1 (352). С. 16–29. DOI: 10.53598/2410-3489-2025-1-352-16-29.
3. Мауленова Б. С., Баянбаева Ж. А., Муминов С. О. Поэтика малой прозы Б. Канапьянова // *Кегуен*. 2025. № 2 (87). С. 153–164. DOI: 10.53871/2078-8134.2025.2-11.
4. Темаева Х. Н. Тема личности и действительности в русской литературе XIX века // *Научный бюллетень Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова*. 2025. № 2 (6). С. 72–75. DOI: 10.36684/118-2025-2-6-72-75.